

Zbigniew Brzezinski. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower.
N. Y.: Basic Books, 2007. vi +234 p.

На рубеже 1990-х годов, в результате выхода Советского Союза из холодной войны, краха мирового коммунизма и распада СССР, Соединенные Штаты остались в положении единственной сверхдержавы. Политическое и военное доминирование Америки в отсутствие значимой оппозиции, триумф западных ценностей и того, что Джозеф Най назвал «мягкой силой» США, породили понятие «однополюсный мир». «Век Америки», провозглашенный Генри Люсом еще в разгар Второй мировой войны, стал реальностью.

Сегодня, без малого двадцать лет спустя, США переживают самый серьезный кризис внешней политики со времени вьетнамской войны. В чем причины появления проблем у безусловного триумфатора? В роковом решении вторгнуться в Ирак или в ошибках, совершенных в начальный период оккупации этой страны? В избрании Джорджа Буша, а не Альберта Гора 43-м президентом США? В настойчивости неоконсерваторов из окружения президента, которые получили возможность реализовать радикальную концепцию борьбы с терроризмом? Или же в эволюции американской политической системы, незаметной для многих за пределами США, в дальнейшей трансформации общества, существенном изменении роли политической элиты? Вопросы очень важные не только для американцев, но — учитывая значение Америки в жизни остального человечества — и для всего мира.

Уже сейчас ясно, что одной из двух-трех главных тем президентских выборов 2008 года станет Ирак, а также связанные с ним проблемы борьбы с терроризмом и внешней политики в целом. В преддверии выборов

на американском книжном рынке обычно появляется немало «политически заточенных» произведений, авторы которых стремятся повлиять на формирование повестки дня различных кандидатов на высший пост и предложить себя в качестве генератора или реализатора идей для «обновленного» Белого дома. Книга Збигнева Бжезинского «Второй шанс: Три президента и кризис американской сверхдержавы» занимает в этом ряду особое место.

Демократ Бжезинский — принципиальный, последовательный и беспощадный критик внешней политики нынешней республиканской администрации. Он громогласно критиковал планы Белого дома еще до вторжения в Ирак, когда они пользовались широкой поддержкой в обществе и в Конгрессе, а многие несогласные — в основном из стана демократов — избегали высказываться публично, опасаясь обвинений в малодушии и недостатке патриотизма. В условиях войны с террором, объявленной Джорджем Бушем после трагических событий 11 сентября 2001 года, это было естественно.

Сегодня, когда ситуация в корне поменялась и политика администрации Буша в Ираке подвергается жесточайшей критике в обществе и СМИ, Бжезинский, в отличие от многих, не ограничивает свои нападки иракским сюжетом или его отдельными частными аспектами. Он ставит гораздо более масштабную задачу. В своей новой книге он нелицеприятно оценивает внешнюю политику Вашингтона на протяжении правления трех президентов, занимавших пост лидера мировой сверхдержавы с момента окончания холодной войны — обоих Бушей и Билла Клинтона.

Разумеется, Бжезинского никак нельзя назвать нейтральным или беспристрастным наблюдателем: он глубоко вовлечен в политическую борьбу, и пафос его книги обращен против «катастрофического руководства» нынешнего хозяина Белого дома. Автор ставит вопрос ребром: как распорядились руководители США исключительным положением, которое Америка заняла после окончания эпохи глобального противостояния. Ответ на этот вопрос нелицеприятен. Бжезинский уверен, что по критериям эффективности и ответственности внешнеполитическая деятельность каждого из трех президентов, включая Клинтона, фактически является неудовлетворительной.

Какой бы жесткой ни была его критика, Бжезинский отнюдь не констатирует «загнивания» Америки и не предрекает ей скорый закат под аплодисменты борцов за многополярный мир. Он уверен в способности американской нации исправлять любые, даже самые грубые ошибки своих лидеров — поскольку политическая, экономическая, социальная и ценностная основы США по-прежнему прочны. Действительно, способность американцев к постоянной самокоррекции и совершенствованию общественных отношений общепризнанна и, очевидно, распространяется и на область внешней политики.

Верно и то, что «Американский век» продолжается. Вероятно, он продлится еще не менее двух десятилетий, несмотря на активно обсуждаемую — прежде всего самими американцами — тему подъема азиатских гигантов. В период до 2025–2030 годов руководство США будет располагать всеми ресурсами и возможностями, необходимыми для обеспечения эффективного глобального лидерства Америки и формирования устойчивого миропорядка. А потому проблема не в том, как быстро будут набирать силу Китай или Индия, объединять свои силы Европа

или восстанавливаться Россия. Главное — как Вашингтон сумеет распорядиться колоссальным капиталом Америки.

Первая попытка, по мнению Бжезинского, оказалась в основном неудачной. «Второй шанс» реален, но при важном условии, что администрация, которая придет в Белый дом в январе 2009 года, критически учтет опыт своих предшественников. Если же и после этого курс не удастся выправить, Бжезинский предупреждает, что Америку в мире ждут действительно серьезные неприятности. Сам он в президентской гонке сделал ставку на сенатора-демократа Барака Обаму, вокруг которого формируется группа интеллектуалов, стремящихся предложить свежие решения стоящих перед страной проблем.

Когда Збигнев Бжезинский говорит об американских президентах как о «глобальных лидерах», для него это не фигура речи. Подобно Карлу Великому и Наполеону, президенты США, пишет он, де-факто возложили на себя корону всемирного управления. «Коронация» в 1989–1990 годах Буша-старшего — принятие им капитуляции от Горбачёва на Мальте, разгром Саддама Хусейна и освобождение Кувейта и, наконец, провозглашение «нового мирового порядка» — не только положила начало династии «вселенских президентов» (под разными фамилиями, разумеется), но и поставила саму Америку в положение «царственной страны». Характерно, что после ухода со сцены Советского Союза даже титул единственной сверхдержавы показался недостаточно полно описывающим новое положение США. Европейские наблюдатели заговорили о «гипердержаве» (французский министр иностранных дел Юбер Ведрин) и «державе *über alles*», *überpower* (немецкий публицист Йозеф Иоффе). «Царица-Америка» вознеслась над миром.

В одночасье вопросы, десятилетиями стоявшие на американской повестке дня в пери-

од холодной войны, были не только решены, но решены по максимуму. Внезапно исчезли не только советская военная угроза и угроза мирового коммунизма: исчезли Советский Союз как государство и коммунизм как значимая международная идеология. Сфера преобладания евро-атлантических институтов (НАТО и ЕС) легко и свободно охватила чуть ли не всю Европу. Тем временем глобализация, в принципе не признающая национальных границ, способствовала распространению американских идей и продвигала интересы США во всем мире. Как же действовали в этих условиях, немислимых еще в середине 1980-х годов, американские президенты — с 41-го по 43-й?

Джордж Буш-старший, располагавший богатейшим международным опытом, оказался, по оценке Бжезинского, превосходным кризисным менеджером, но его слабой стороной был недостаток воображения. В результате он пытался проводить традиционную политику в совершенно нетрадиционной обстановке. Буш не воспользовался плодами военной победы в Персидском заливе ни для решения иракской, ни для урегулирования палестинской проблем. В результате исламисты получили не только повод для нанесения удара по США (размещение американских войск на «священной земле Аравии»), но и время для подготовки нападения. Буш способствовал «мягкой посадке» СССР и успешно сотрудничал с Москвой для того, чтобы не допустить распространения ядерного оружия в результате распада Советского Союза. США, однако, упустили время для обеспечения долговременной и органичной привязки новой России к Европе. Сама же Европа после падения Берлинской стены перестала быть центром внимания США, которые все более сосредоточивались на собственных проблемах. Многообещающие фразы о «новом мировом порядке» растаяли в воздухе.

Билл Клинтон, несмотря на огромный интеллект и несомненный гений политика, в изображении Бжезинского предстает непоследовательным лидером. Подпав под обаяние глобализации, 42-й президент уверовал в то, что процессы будут сами собой развиваться в правильном направлении, а позитивные перемены станут необратимыми. Однако сквозь «туман победы» стали проглядывать новые проблемы — распространение ядерного и ракетного оружия в Южной, Западной и Северо-Восточной Азии, региональная нестабильность и этнические конфликты на огромном пространстве от Юго-Восточной Европы и Северной Африки до Кавказа и Центральной Азии, первые раскаты террористического грома. Между тем США под руководством клинтоновской администрации утратили инициативу и лишь вяло реагировали на происходящие события. Здесь Бжезинский вполне мог бы процитировать Пушкина: «наш царь дремал...»

Победив Буша-старшего под знаменитым лозунгом «все дело в экономике», Клинтон продолжал рассматривать внешнюю политику как простое продолжение внутренней. После победы в тяжелом и длительном противостоянии американцы испытывали естественное желание сбросить с себя бремя забот о внешнем мире. Строить на этом политику было удобно. В 1995 году США достигли пика международного влияния: откликнувшись наконец на бесчисленные призывы европейских союзников, Клинтон вмешался в конфликт в Боснии — и легко решил его, сочетая силу с дипломатией. На Ближнем Востоке премьер-министр Рабин вел дело к решению палестино-израильского конфликта, на Дальнем — северокорейская ядерная проблема, едва возникнув, казалось, должна была исчезнуть. В Европе американцы как будто бы добивались невозможного: расширять НАТО и бомбить Сербию без разрыва с Москвой. Вашингтону удавалось

все или почти все. Как считает Бжезинский, это рождало самоуспокоенность, веру в силу добрых намерений.

Джордж Буш-младший, обладавший, по выражению Бжезинского, хорошими инстинктами, при этом не вполне понимал сложности международной обстановки и проявлял склонность к догматизму в духе манихейской борьбы добра со злом. Бжезинский называет 43-го президента катастрофическим лидером. Буш-младший, по его словам, неправильно интерпретировал смысл вызова, брошенного Америке 11 сентября 2001 года. Ответ, данный администрацией Буша на вызов исламистских радикалов, оказался сокрушительным не столько для противника, сколько для позиций самих США.

Если клинтоновский оптимизм, связанный с глобализацией, стал, по остроумному сравнению Бжезинского, своего рода «марксизмом нашей эпохи», то идеология неоконсерваторов была пронизана духом ленинизма. Неоконсерваторы, их союзники и попутчики попытались стать демиургами новой реальности. Их принцип гласил: не приспосабливаться к внешнему миру, а изменять его своими делами. Перефразируя Маркса по примеру автора книги, можно было бы сказать, что до сих пор наиболее сильные государства различными способами пытались завоевать весь мир; США же при 43-м президенте поставили цель трансформировать его изнутри. Итогом их усилий, однако, стало то, что «центральный фронт борьбы с терроризмом» (то есть Ирак) превратился в «кладбище неоконсервативных иллюзий». Тем самым не только зримо обозначились пределы мощи и реальных способностей США, но и был нанесен удар по глобальному престижу Америки. Бжезинский повторяет один из главных предвыборных тезисов демократов: в результате вторжения в Ирак террористическая угроза Соединенным Штатам только возросла. С его точки зрения, нет худа без

добра: скомпрометировавший себя неоконсерватизм отступает.

Автора «Второго шанса» беспокоят геополитические последствия войны в Ираке. Он считает, что многие плоды победы в холодной войне бездумно растрочены и сейчас влияние США на остальной мир слабее, чем в 1991 году. Основываясь не только на замерах общественного мнения, но и на геополитическом анализе, Бжезинский видит Америку одиноким гигантом во все более враждебном окружении. По его мнению, это произошло потому, что Вашингтон, уйдя в отрыв от остального мира, не сумел выстроить отношения с союзниками — странами НАТО и Японией — и не использовал благоприятные возможности для достижения устойчивого мира на Ближнем Востоке.

Так ли уж, однако, виновата американская дипломатия? Действительно, Вашингтон отнесся без благосклонности к попыткам Германии и Франции создать твердое ядро будущей Европейской федерации. Да, единая Европа — если бы она сформировалась — могла бы стать вровень с США не только в экономическом, но и также в политическом и военном отношениях, претендуя на совместное с Америкой лидерство в глобальных вопросах. Эта возможность, однако, остается по сей день сугубо теоретической, и не из-за противодействия заокеанского «лорда-протектора». За последние десятилетия европейцы достигли очень много, но стать полноценным центром силы им еще не удалось — в силу внутренних причин, а не внешнего сопротивления. Это означает, что у США в рамках традиционного Запада *объективно* отсутствует равноправный партнер. Что в ситуации XXI века скорее плохо, чем хорошо.

На другом фланге еще недавно сплоченного в борьбе против СССР Запада возникла проблема Японии. При Рейгане и старшем Буше многие в США рассматривали ее как

угрозу американскому экономическому лидерству, а при Клинтоне, когда Япония впала в период затяжной депрессии, в Вашингтоне ее фактически сбросили со счетов в качестве одного из трех столпов Западного мира. Теперь же, сетует Бжезинский, Япония оказалась в сложном положении между США и Китаем. Однако и здесь «степень вины» Белого дома не стоит преувеличивать. Токио все больше смотрит в сторону Китая не столько из-за недостатка внимания со стороны Вашингтона, сколько в результате формирования в Восточной Азии экономического центра силы, частью которого — наряду с Китаем — становится Япония. В любом случае сближение Японии с Китаем жестко ограничено: экономика не может не влиять на политику, но и не сможет подменить ее.

Говоря о России, автор отмечает, что ее интеграция в Европу — оптимальный исход холодной войны — не получилась, потому что никто из американских президентов в действительности не придавал этому вопросу должного значения. Первый президент Буш и Билл Клинтон, считает Бжезинский, не скупилась на слова, но реально мало что делали на российском направлении. В результате США пустили ситуацию в Евразии «на самотек». Недостаточное внимание к этому важнейшему вопросу, предупреждает автор нашумевшей «Великой шахматной доски», чревато далеко идущими последствиями. Уже при втором Буше российско-китайские отношения стали теснее и доверительнее, чем отношения каждой из сторон с Америкой. Вошли в практику регулярные саммиты Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), российско-китайские военные маневры. Тем самым «стратегический треугольник» Никсона—Киссинджера оказался вывернутым наизнанку. Новая геополитическая реальность, бьет тревогу один из архитекторов американо-китайского альянса

1970–1980-х годов, потенциально угрожает интересам США.

Сотрудники клинтоновской администрации вряд ли согласятся с посредственной оценкой их трудов по части содействия социально-экономической и политической трансформации России. Со своей стороны, многие российские комментаторы назовут главной ошибкой первого Буша то, что он был принципиально против приглашения России в НАТО, а роковыми шагами Клинтона — расширение НАТО и бомбардировку Югославии. И то и другое, впрочем, спорно. Но несомненно то, что органичная интеграция России в объединенную Европу потребовала бы от нашей страны более быстрой и решительной модернизации, к которой она оказалась не готова и тогда и теперь; кроме того, российская элита должна была бы отказаться от великодержавия в пользу общеевропейской идентичности, которая остается для нее неприемлемой и сейчас. Кроме того, принятие России в европейский проект потребовало бы кардинальной ревизии самого этого замысла, с чем едва ли согласилась бы и сама Европа. Схожие препятствия имеют место и в отношениях НАТО — РФ. Помимо этого, существуют проблемы, связанные с ролью США в НАТО и миссией альянса после окончания холодной войны.

* * *

Проведя глубокую и интересную интеллектуальную «работу над ошибками» трех последних администраций, Збигнев Бжезинский предлагает читателю повестку дня, которая, по его мнению, может выправить ситуацию и вернуть США положение эффективного и ответственного лидера.

Прежде всего, Бжезинский призывает новых руководителей выстраивать систему «центральных отношений» взаимодействия США с другими ведущими игроками —

Китаем и Европейским союзом. Наличие такой системы особенно важно в условиях постоянно меняющегося баланса между тремя основными центрами силы. Наряду с этим руководство США должно держать в поле зрения так называемые свинговые (от англ. *swing*) страны – Индию, Россию, Японию, Бразилию, которые способны «качнуться» как к Западу, так и в сторону от него. В такой системе связей США, по мысли Бжезинского, – естественный лидер, но не гегемон. Различие между этими понятиями проводилось в более ранней книге Бжезинского «Выбор», появившейся в 2004 году¹.

Действительно, несмотря на то, что изначально администрация второго президента Буша рассматривала другие великие державы в качестве важных потенциальных партнеров, после 11 сентября 2001 года этот внешнеполитический реализм, основанный на либерально-демократических ценностях, уступил место более идеологизированному подходу, в рамках которого характер режимов иностранных государств превратился для Вашингтона в решающий внешнеполитический фактор. Бжезинский настаивает на устранении «идеологического уклона» и возвращении к более взвешенной политике, целью которой должно стать укрепление позиций США и расширение круга их партнеров. В этом он солидарен с «реалистами» из администрации Буша-старшего, в частности, с помощником президента по национальной безопасности Brentом Скоукрофтом.

Налаженное сотрудничество с ведущими мировыми игроками должно, по логике Бжезинского, помогать США сдерживать нежелательное или неконтролируемое применение насилия в международных отношениях – от угроз использования оружия массового уничтожения режимами-изгоями до осуществления актов терроризма. Успех

такого взаимодействия, однако, зависит от готовности США координировать с партнерами собственную стратегию национальной безопасности. От Вашингтона потребуется гибкость в случаях, когда при наличии согласия относительно конечных целей имеют место существенные расхождения относительно способов их реализации. Готов ли Вашингтон к такой гибкости? Ответ не очевиден. Ситуации с ядерными программами Северной Кореи и Ирана дают два прямо противоположных варианта ответа администрации США на этот вопрос.

Далее, Бжезинский призывает будущих руководителей США способствовать созданию равных возможностей для всех в мире путем содействия экономическому росту, развитию информатизации, распространению современных ценностей, включая «мировую совесть». С учетом печального опыта нынешней администрации Бжезинский делает важный вывод. Продвижение демократии за рубежом, пишет он, не должно создавать предпосылок для применения США военной силы. Необходимо поэтому избегать сценариев, когда давление извне дестабилизирует авторитарный режим и приводит к установлению хрупкой демократии, которая не способна защитить себя и требует вооруженного вмешательства извне. Такой «интернациональный долг» Бжезинский отвергает. Естественный путь становления демократии, пишет он, – через развитие капитализма и поэтапное формирование правового государства.

За важным исключением Косово, балканский узел, державший в напряжении Европу после окончания холодной войны, удалось за последнее десятилетие ввести в русло политических решений. Вместо этого, однако, перед США во весь рост встали проблемы того, что Бжезинский называет «глобальными Балканами»; речь идет о цепочке кризисных ситуаций на пространстве от Суэца до

Синьцзяна. Как когда-то на Балканах, здесь существует опасная перспектива вовлечения в конфликты других крупных держав. США, имеющие обширные интересы в этом огромном регионе, не могут рассчитывать на то, что им удастся навязать участникам конфликтов односторонние решения. Это справедливый вывод, из которого вытекает необходимость сотрудничества не только с союзниками в Европе или на Ближнем и Среднем Востоке — той же Турцией, или же со старыми и новыми партнерами Пакистаном и Индией, — но и с государствами, которые становятся конкурентами США, — Китаем и Россией. Подобное конкурентное партнерство не может быть простым и легким.

Это, конечно, Збигнев Бжезинский учитывает. По его мнению, одним из самых тяжелых последствий ошибочной политики администрации Буша может стать вытеснение США с Ближнего и Среднего Востока и укрепление там китайского влияния вместо американского. Чтобы воспрепятствовать такому развитию событий, мало оказывать военную и политическую поддержку дружественным США правительствам Саудовской Аравии, Египта, Иордании, стран Персидского залива, как это делает нынешняя администрация. Требуется найти пути к решению палестино-израильского конфликта, стабилизации Ирака и Афганистана, укреплению умеренных сил в Пакистане.

К этим рассуждениям Бжезинского можно добавить, что США могли бы серьезно изменить региональную ситуацию в свою пользу, если бы отказались от обанкротившейся политики изоляции Ирана и перешли к более гибкой стратегии сдерживания Тегерана и одновременного вовлечения иранцев в различные контакты. Такая стратегия, отчасти напоминающая западную политику разрядки в отношении СССР и стран Восточной Европы, могла бы способствовать внутренней эволюции Ирана. Формальным

условием американо-иранской разрядки могло бы стать соглашение, по которому США отказывались бы от попыток свержения иранского режима и применения силы против Ирана, а иранская сторона соглашалась на верифицированное ограничение своей ядерной программы, гарантирующее отказ Тегерана от производства и приобретения ядерного оружия. Фактически же речь шла бы о готовности США иметь дело с Ираном как крупной региональной державой, учитывать его интересы безопасности и сотрудничать в целях достижения стабильности в Ираке, Афганистане и на Ближнем Востоке.

Надо иметь в виду, что исторически позиции США на Ближнем и Среднем Востоке были наиболее прочны тогда, когда Вашингтон имел возможность опираться на трех союзников: Израиль, умеренно-консервативные силы в арабском мире и Иран. Восстановление такого устойчивого равновесия в принципе возможно, несмотря на исламский характер современного иранского государства. Клинтон и Буш упустили шанс добиться прорыва в отношениях с Тегераном при президенте Хатами. Тем не менее инициатива в этом вопросе по-прежнему принадлежит США. Будущего американского президента мог бы вдохновить пример Ричарда Никсона, который отправился в коммунистический Китай и в результате сумел добиться превращения КНР в неформального союзника США в холодной войне против СССР. Политическое мужество — фактор, который трудно переоценить.

* * *

Книга Збигнева Бжезинского наводит и на более общие соображения. Крах СССР произвел не просто огромное, а оглушительное впечатление на американскую элиту. Триумф Запада, его мощи и его ценностей, который был отнюдь не очевиден еще в середине

1980-х годов, вскоре после окончания холодной войны стал рассматриваться не просто как закономерность, но и как залог будущих побед над новыми противниками свободы и демократии.

Избыточный триумфализм связан с поверхностной и излишне однозначной интерпретацией «концовки» холодной войны. Сегодня тезис о *победе* Запада во главе с США в противостоянии с советским коммунизмом представляется настолько очевидным, что не требует доказательств. Между тем поражение одного из антагонистов и победа другого — хоть и две стороны одной медали, но отнюдь не тождественные друг другу. В случае с СССР гораздо важнее исследовать причины его *поражения*, но сейчас эта тематика перестала считаться актуальной. В нынешних условиях в Америке получают хождение примитивные и политизированные рассуждения относительно «источников победы».

Збигнев Бжезинский полемизирует с крайней, правореспубликанской точкой зрения, в соответствии с которой победа в холодной войне — едва ли не единоличный успех Рональда Рейгана. Особенно выпукло этот тезис был представлен во время общенационального прощания с 40-м президентом в 2004 году. Бжезинский совершенно справедливо настаивает, что американская стратегия времен противостояния с СССР была двухпартийной, что в ее разработку и реализацию внесли громадный вклад также и демократические президенты — Трумэн, Кеннеди и Картер, в администрации которого служил сам автор книги.

За пределами США Бжезинский подчеркивает вклад в общую победу польского папы Иоанна Павла II и польского же профсоюзного движения «Солидарность». Он не акцентирует «нефтяной», «саудовский» фактор, выразившийся в расширении добычи нефти в середине 1980-х годов и как следствие — в

резком падении нефтяных цен, что спровоцировало кризис советской финансовой системы и опасный рост внешней задолженности СССР. Вскользь, в общем ряду «могильщиков коммунизма», упомянут феномен Горбачёва. Поразительно: один из ведущих мировых специалистов по Советскому Союзу оставляет за кадром затяжной внутренний кризис советской системы, который, собственно, завел ее в тупик — в «застой», выбираться из которого выпало Горбачёву.

Дискуссия о слагаемых поражения советского коммунизма является «исторической» лишь по форме. По сути та или иная ее трактовка становится отправной точкой для текущей и будущей политики. Тезис о Великой победе над советским коммунизмом и ее американско-европейских полководцах ведет к преувеличению роли внешнего фактора в событиях 1989–1991 годов. Тем самым возникает убежденность, будто триумф можно повторить, если подвергнуть новых противников массивному давлению с позиции превосходящей мощи.

Трактовка победы над коммунизмом (бескровной) в одном ряду с победой над нацизмом (купленной кровью) ведет к другой ошибке — абсолютизации фактора военной силы и эффективности послевоенного переустройства побежденных обществ по планам победителей. Отсюда прямая дорога к попытке — в ответ на 11 сентября 2001-го — посредством применения силы и политической инженерии трансформировать Ближний и Средний Восток на демократических основаниях. Серьезная ошибка здесь состоит в игнорировании того важнейшего обстоятельства, что успех демократизации Западной Германии и Японии был подготовлен довоенным развитием этих обществ.

Наконец, создается обманчивое впечатление предопределенности исторического развития: от разгрома германского нацизма и японского милитаризма в середине XX

века — к победе над советским коммунизмом в конце столетия и дальше, к подавлению и искоренению «исламофашизма» в XXI. Это парадоксально напоминает официально не провозглашенный, но часто звучавший «в узком кругу» призыв советских «бойцов идеологического фронта»: наши деды водрузили красный флаг над Зимним дворцом, отцы — над Рейхстагом, а нам предстоит поднимать его над Белым домом.

Идеологизация внешней политики США — не новое явление. Вторая мировая война в существенной степени, а холодная война по преимуществу были конфликтами идеологий, в которых базовые западные ценности одержали полную и убедительную победу. Проблема заключается в интерпретации этой победы как всемирно-исторического (как любили говорить советские идеологи) триумфа либеральной демократии. На самом деле разложение и крах коммунизма устранили барьеры для глобального развития капитализма в его различных — первоначально не обязательно либеральных — проявлениях. Догматический подход к продвижению демократии ограничивает американскую политику, мешая ей использовать возможности, связанные с капиталистическим развитием.

Упор на военную силу, который сделала администрация 43-го президента США, удивителен для страны, достигшей уникального положения в мире преимущественно благодаря экономическому процветанию, исключительно удачной модели государственного управления и гражданской активности, привлекательности образа жизни и фундаментальных ценностей. Несмотря на то что Америка никогда не исповедовала пацифистскую идеологию и на протяжении своей истории проводила наступательную внешнюю политику, нередко с применением силы (см. книгу Роберта Кейгана «Опасная нация: Место Америки в мире с ее ранних

дней до конца XX столетия»²), США не были милитаристским государством и не являются им сейчас. Тем не менее сосредоточенность на чисто военных аспектах, например иракской или иранской проблемах, не позволяет американскому руководству найти для них адекватные решения.

Для современных США характерно противоречие между собственными интересами как национального государства — пусть самого мощного в мире — и их интересами как фактического центра существующей глобальной системы. США не империя и при всем внимании к тематике Древнего Рима или Британии — «владычицы морей» империей в общепринятом смысле этого слова не станет. В условиях американской демократии общественная мобилизация во имя достижения имперских целей маловероятна. Если битва при Ватерлоо была выиграна, по известному изречению, на игровых площадках Итона, где выковывался характер британской имперской элиты, то война во Вьетнаме была проиграна в американских университетских кампусах, где воспитывается американский средний класс. Итог миссии США в Ираке зависит от внутривнутриполитической динамики в США даже больше, чем от религиозно-политического расклада политических сил в самом Ираке.

В этой связи исключительное значение приобретают взаимоотношения общества (избирателей) и политической элиты. С одной стороны, в условиях борьбы с терроризмом роль президента — «главного игрока в главной игре», как называет его Збигнев Бжезинский, — почти столь же велика, как в годы холодной войны. Даже несмотря на нынешнее отсутствие двухпартийного консенсуса по внешнеполитическим вопросам, существующие сдержки и противовесы (формальные, такие, как Конгресс или судебная система, и неформальные, такие, как СМИ и истеблишмент в целом) не способны эффек-

тивно противостоять политике президента, убежденного, как Джордж Буш, в том, что история его оправдает.

С другой стороны, демократия, повышая роль рядовых избирателей (в ущерб роли крупных доноров и партийных машин), ведет к усилению многочисленных групп специальных интересов. Перманентные избирательные кампании делают политический процесс практически непрерывным и все более затратным. В условиях безразличия большинства избирателей к проблемам внешней политики организованные меньшинства получают возможность — посредством пожертвований в избирательные фонды и иными способами — оказывать воздействие на принятие политических решений. В этом отношении особая роль принадлежит этническим лобби, которые стремятся манипулировать политикой Соединенных Штатов в интересах своих «малых родин». В своей книге Збигнев Бжезинский довольно подробно останавливается на этой проблеме.

Децентрализация политического процесса объективно подрывает положение элиты. Введение жестких рамок политкорректности, непродолжительное засилье патриотизма, распад двухпартийного консенсуса и политизация внешней политики привели к сужению диапазона, понижению горизонта и повышению контрастности в политическом мышлении тех, кто разрабатывает и осуществляет внешнюю политику США, а также лидеров общественного мнения. Речь не идет, конечно, о деградации американской элиты: она по-прежнему обладает исключительно высоким качеством и способностями. Тем не менее очевидно, что американский внешнеполитический истеблишмент оказался жертвой расслабления, которое поразило страну после окончания холодной войны, а позднее — заложником решений, которые были приняты вскоре

после терактов 11 сентября. Для того чтобы политика США вновь стала эффективной, требуется нечто большее, чем смена президента в Белом доме. Необходимо осознание американским политическим классом своей не только национальной, но и глобальной ответственности.

Диагноз — не приговор. У американской внешней политики — огромный по объему и значению опыт, который отнюдь не измеряется количеством лет существования США. Звездный час американской политики и дипломатии это формирование системы международных институтов в конце и после завершения Второй мировой войны: ООН и ГАТТ (ныне ВТО), МВФ и Всемирный банк, Организация европейского экономического сотрудничества и развития, созданная для реализации плана Маршалла, и, наконец, НАТО. Как свидетельствует опыт, именно в рамках многосторонней дипломатии США могут эффективнее всего проявлять свои неоспоримые качества лидера. Ведь лидер по определению действует не в одиночку, а совместно с другими участниками международных отношений. Крайне важны, конечно, цели, которые при этом преследуются. Некоторые из них — от крестовых походов за демократию на Ближнем Востоке до борьбы с авторитаризмом в глобальном масштабе — чреваты растратой сил и горечью неудач. Другие — создание системы глобального управления в развитие американского же проекта 1940-х годов — могут не только способствовать решению конкретных проблем (что ценно само по себе) и формированию благоприятной для США внешней среды (на что направлены американские усилия по поддержке свободы и демократии во всем мире), но и обеспечить лидирующее положение США на протяжении всего текущего столетия: Америка наиболее конкурентоспособна именно в качестве лидера.

* * *

Збигнева Бжезинского обычно представляли заклятым врагом СССР, а теперь неисправимым ненавистником России. Первое справедливо, второе перенесено «по инерции», в результате пристрастного и искаженного прочтения его работ. Самые последние книги Бжезинского — об Америке. России как предмета они едва касаются. Тем не менее в том, что пишет ветеран американской внешней политики о США, есть уроки и для нашей страны.

Сейчас, когда, как считают многие в Кремле и вне его стен, наступил наконец «и на нашей улице праздник», российским элитам опасно слишком высоко задирать голову — триумфализм и высокомерие всегда и везде наказуемы. Да, изменилась конъюнктура в мировой энергетике; можно только гадать, что было бы с Россией, если бы начало подъема цен на нефть пришлось на 1992 год. Да, Россия сумела вылезти из долгов и больше не нуждается в финансовых подпорках. Да, экономика страны растет пусть не феноменальными, но вполне приличными темпами, растут доходы рядовых граждан. Тем не менее общий экономический вес России в обозримой перспективе останется довольно скромным, в пределах 2–3 проц. мирового ВВП. Это несопоставимо с такими гигантами, как США, ЕС, КНР, на долю каждого из которых будет приходиться до 20 проц. глобальной экономики, и в разы меньше ВВП Японии. Не стоит и переоценивать роль России как мирового источника энергоресурсов. Как грустно шутят: при низких ценах на нефть Россия — сырьевой придаток развитого мира, при высоких — энергетическая сверхдержава. Для того чтобы существенно сократить технологическое отставание от развитых стран, потребуется, вероятно, не одно десятилетие. Еще более фундаментальные проблемы связаны с формированием современных институтов,

основанных на главенстве закона, со становлением горизонтальных связей между свободными людьми и их объединениями, а также полноценного гражданского общества. Стратегическое нетерпение, как свидетельствует отечественная история, — верный, но вредный попутчик России.

Попытку уже сейчас объявить Россию «мировой совестью», «всецеловеческой цивилизацией», «интеллектуальным лидером» человечества невозможно воспринимать серьезно. Россиянам предстоит много сделать, чтобы восстановить доверие друг к другу, цивилизовать отношения между людьми и их повседневный быт и решить многочисленные проблемы страны — от экологических до этнических. Лишь в том случае, если эти решения окажутся не просто удачными, а универсальными, приемлемыми для других обществ — хотя бы у ближайших соседей в СНГ, — можно будет говорить об интеллектуальном лидерстве.

Сегодня же россиянам не стоит поддаваться злорадству по поводу неудач США. Во-первых, потому что успех США, скажем, в Ираке может обернуться реальными проблемами для России на Северном Кавказе, а провал миссии США и НАТО в Афганистане — создать угрозу безопасности Центральной Азии. Во-вторых, потому что глобальный подрыв позиций США приведет скорее не к становлению «мирового олигархата» с участием России как одного из главных действующих лиц, а к росту неопределенности и нестабильности в мире. В интересах России, как справедливо заметил, выступая 21 июня 2007 года в Московском Центре Карнеги, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, просвещенное лидерство США³.

Россиянам не стоит создавать себе кумира из пресловутой «многополярности». Изменение баланса сил в мире — процесс непрерывный. Выход на глобальную арену Китая и Индии практически предreshен. Повышение влияния стран Азии придает

совершенно иное качество процессу глобализации. (На этом акцентировали внимание авторы выпущенного в 2004 году доклада Национального совета по разведке США «Карта будущего»⁴.) Как бы ни расширялось и ни углублялось российско-китайское сотрудничество в различных областях, фраза «нас вместе с китайцами полтора миллиарда» всегда будет звучать двусмысленно.

Вообще, разумнее проявлять спокойствие в оценке целей и задач внешней политики США. Ошибочно строить эту оценку на основе наихудшего варианта — по принципу: все действия Вашингтона направлены в конечном счете на подрыв позиций России и ее уничтожение. Может быть, не все в администрации Клинтона просыпались с мыслью: «Чем бы помочь России сегодня?» — но никто из старших сотрудников Буша не начинает день с мысли о том, как бы ущемить Россию. Скорее всего, большинство этих людей о России просто не думают.

Привлекать их внимание слегка завуалированными оскорбительными сравнениями с Третьим рейхом, угрозами перенацелить ракеты, разместить ядерное оружие, возобновить воздушное патрулирование — это подростковый способ добиться уважения. Пора бы уже повзрослеть, приобрести уверенность в себе и своих способностях, избавиться от комплексов и научиться видеть всю реальную сложность, неизбежную противоречивость и постоянную изменчивость американской политики. С этой точки зрения последняя книга Збигнева Бжезинского помогает объемному пониманию политики США.

Российское руководство позиционирует РФ как «свободного игрока» на мировой шахматной доске. Оно, вероятно, считает, что такая «неангажированность» создает преимущества. Конечно, когда руки свободны, это лучше, чем когда они связаны. Тем не менее лучше шагать по твердой почве, чем постоянно со свистом раскачиваться на качелях. Россия — евро-тихоокеанская, а не евро-азиатская страна. Она расположена между Европейским союзом и США. Ее естественный и по сути дела единственный крупный партнер в деле интеграции — Евросоюз. Ее важнейший глобальный партнер в деле всесторонней модернизации и обеспечения глобальной безопасности — Соединенные Штаты Америки.

За последние три-четыре года российское руководство «устало от Америки», и эта усталость и фрустрация выплеснулись в мюнхенской речи президента Путина. Америка — как, впрочем, и Россия — трудные партнеры в международной политике. Тем не менее нынешние заниженные ожидания в отношении другой стороны могут оказаться не меньшей проблемой, чем излишний оптимизм в прошлом. Новые президенты и их администрации, которые придут к власти в обеих странах в течение ближайшего года, должны провести всесторонний обзор российско-американских отношений с участием делового и экспертного сообществ и решить, какое их развитие отвечает интересам РФ и США. В мире XXI века успех Америки и успех России не противоречат друг другу. ■

ДМИТРИЙ ТРЕНИН

Примечания ¹ *Бжезинский Зб.* Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004.

² *Kagan R.* Dangerous Nation: America's Place in the World from Its Earliest Days to the Dawn of the Twentieth

Century. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2006. Рецензию на эту книгу см.: *Pro et Contra*. 2007. Т. 11. № 3.

³ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/7D38603F1CB584CDC3257301004CD3F1

⁴ <http://www.foia.cia.gov/2020/2020.pdf>